

Вопросы и ответы

Каких политических убеждений придерживались первые члены Opus Dei? Как относился св. Хосемария ко II Республике? Как отнесся к вооруженному мятежу 18 июля 1936 г.? Что думал Эскрива о Гитлере и нацизме?

12.04.2011

Автор: Хосе М. Сехас

Каких политических убеждений придерживались первые члены Opus Dei?

В большинстве своем это были молодые студенты из разных мест, учившиеся на разных факультетах и придерживавшиеся разных политических убеждений. Каждый из них, как и любой другой католик, выбрал по собственной совести то или иное политическое течение или просто не выбрал никакого. Св. Хосемария никогда не говорил о политике и не спрашивал пришедших к нему людей об их убеждениях.

В общежитии DYA, открытом св. Хосемарией на улице Феррас, прививалось уважение к мнениям других. Поэтому ничто не препятствовало тому, чтобы среди первых членов были ополченцы

Баскской националистической партии (БНП), сторонники Молодежи народного действия (МНД), Традиционалистской школьной ассоциации (ТША) и политических формации либерального центра.

Особенности политической ситуации во II Республике (с растущим антиклерикализмом левых партий, давшим толчок для антирелигиозных гонений) не позволяли католикам присоединяться к политическим течениям левого толка.

Как относился основатель ко II Республике?

Основатель Opus Dei относился ко II Республике примерно так же, как и огромное количество испанцев в те времена. Сначала он просто ждал, в каком направлении будут развиваться события. Конечно, он был огорчен,

когда почувствовал антиклерикальные нотки во многих законах, почти сразу принятых первым правительством II Республики, и увидел бездействие властей перед лицом бесчинств.

В такой общественной атмосфере, пропитанной экстремизмом, св. Хосемария всегда сохранял спокойствие духа и священническое достоинство. Видя, как общество заражается ненавистью, злобой и жаждой мести, он советовал людям, поддавшимся подобным настроениям, «молиться, прощать, понимать и оправдывать». Впоследствии он вновь и вновь повторял этот совет на протяжении всей своей жизни.

Среди его друзей были воинствующие республиканцы, как, например, Кандидо Базельга.

Этот барбастрензец был сурово наказан после войны: в сороковых годах он несколько лет провел в тюрьме, получив два срока за руководство партией Республиканского единства и в членство в масонской ложе. Св. Хосемария навещал его, чтобы утешить, и искренне интересовался его жизнью. Переписка между ними, начавшаяся после переезда основателя в Рим, прервалась только со смертью Базельги в 1972 г.

Верил ли он в возможность силового решения проблем?

Св. Хосемария не был сторонником насилия: «Оно не поможет ни убедить, ни победить!» – напоминал он (ср. Родригез Педразуэла, А., “Un mar sin orillas”, “Rialp”, Мадрид, 1999 г., с. 65). Основатель всегда

стремился к тому, чтобы люди, духовным руководством которых он занимался, сеяли вокруг себя мир и согласие. Однако не все следовали его советам.

В августе 1932 г. в тюрьму Модело были заключены три студента, которых знал св. Хосемария и которые участвовали на стороне монархистов в военном столкновении с Республикой. Это были Адольфо Гомес Руис, Хосе Антонио Паласиос Лопез и Хосе Мануэль Доменеч ди Ибарра, посещавший вместе с основателем безнадежных больных в Главном больнице.

Хотя в этой среде не всегда хорошо принимали священника, св. Хосемария навещал их в тюрьме и даже там продолжал призывать их к мирному сосуществованию, взаимопониманию и прощению ко всем. Как обычно, он никогда

не высказывал суждений временного, партийного или политического характера. Основатель знал, что его миссия как священника состоит в том, чтобы с открытыми объятиями принимать всех и вести их к Богу.

В тюрьме вместе с этими студентами находились анархисты, и св. Хосемария просил относиться к ним с уважением и пониманием. Они рассказывали, что время от времени играли вместе с ними в футбол на тюремном дворе и, что *логично*, в разных командах. Услышав об этом, св. Хосемария стал говорить им о другой *логике* – о логике любви. Он посоветовал им играть в смешанных командах, чтобы углублять взаимное уважение, прощение и понимание. Они последовали его совету и, как ни удивительно, достигли этой цели.

Как отнесся основатель к вооруженному мятежу 18 июля 1936 г.?

Подобно подавляющему
большинству испанцев, св.
Хосемария ничего не знал о
готовящемся на 18 июля
государственном перевороте.
Восстание застало его врасплох,
как и других священников и
епископов.

В те дни Эскрива готовился к
началу апостольской
деятельности в Валенсии и
Париже и занимался
оборудованием нового здания для
студенческого общежития,
которое переезжало из дома №50 в
дом №16 по ул. Феррас.

Именно в этом общежитии его
застал мятеж и последующий
штурм казармы «Квартель де ля
Монтанья» – мадридского центра
восстания, расположенного

совсем неподалеку. Два дня святой не выходил из здания, и лишь 20 июля смог бежать в дом матери.

Именно тогда, еще до начала открытых религиозных преследований, началась его подпольная жизнь, продолжавшаяся до конца 1937 г., когда основатель пешком перешел через Пиренеи в ту область Испании, где можно было свободно осуществлять священническое служение.

Как он отнесся к военной операции Франко?

Никто из его окружения не помнит, чтобы он так или иначе высказывался на эту тему или как-то оценивал военную или политическую роль Франко.

Он всеми силами души желал и не раз выражал это желание скорейшего окончания войны,

прекращения братоубийства и ненависти. Он хотел, чтобы наступило, наконец, то время, когда свободой смогут пользоваться и граждане, и Церковь, которая будет без помех осуществлять свою пастырскую деятельность.

«Однажды св. Хосемария повстречал человека, нескольких родственников которого коммунисты убили в поле на перекрестке дорог. Этот человек хотел установить крест на том самом месте в память о погибших. “Не делай этого, – сказал ему священник, – потому что тобой движет ненависть: это будет не крест Христа, а крест дьявола”. Тот человек не установил креста и смог простить» (Васкес де Прада, А., “El Fundador del Opus Dei. Vida de Josemaría Escrivá de Balaguer”, т. 2: “Dios y Audacia”, “Rialp”, Мадрид 2002, с. 383).

Луис Родригес-Канделя,
вспоминая о св. Хосемарии в те
времена страха и террора,
говорит: «Меня удивляло его
спокойствие, с которым он судил о
фактах, которые по своей
ужасности безмерно вредили
всем... В его голосе никогда не
слышалось ни ненависти, ни
злости, ни осуждения в чей-либо
адрес... Он глубоко страдал из-за
происходящего... И когда другие
праздновали победу, он молчал»
(ср. Луис Родригес-Канделя
Манзанеке, свидетельство в АGR –
Генеральный архив прелатуры).

Почему он скрывался во время войны?

Мятеж против Республики,
организованный военной хунтой,
привел к революции на
территории, остававшейся во
власти правительства Народного
фронта. Одной из характерных

черт этой революции был антиклерикализм, проявлявшийся в разрушении зданий и объектов, имевших отношение к католицизму, и в преследовании католиков и духовенства.

Андрей Нин, лидер троцкистской партии, заявил в опубликованном 2 августа 1936 г. «*La Vanguardia*», что «рабочий класс решил проблему Церкви, просто не оставив от нее камня на камне».

Множество католиков были убиты просто за то, что были католиками. То же постигло тысячи священников, виновных лишь в том, что носили этот сан. Было подсчитано, что в Мадриде погибло около 35% духовенства.

Разразилась так называемая «охота на настоятелей», из-за которой священникам приходилось скрывать свой сан.

Те, кто не оказался в тюрьме или не был убит, старались выжить в самых различных убежищах.

8 августа 1936 г. Хосемарии Эскриве из-за угрожавшей ему опасности пришлось покинуть родительский дом, и начались бесконечные переезды по Мадриду из одного места в другой.

Как он осуществлял свое священническое служение в ходе войны?

Различным образом в зависимости от внешних обстоятельств, которые менялись в ходе конфликта.

В Мадриде с 18 июля 1936 г. и вплоть до того момента, когда св. Хосемария нашел убежище в посольстве Гондураса, ему не часто удавалось внешне выразить свое священство из-за религиозных преследований, и,

как многие священники в те времена, он вынужден был служить Мессе подпольно.

Но, в любом случае, когда этого требовали обстоятельства, он без колебаний уделял духовную помощь тем, кто его просил об этом, зная, что рискует своей жизнью, так как те же люди могли выдать его.

Оказавшись в посольстве Гондураса, он смог с меньшей опасностью выполнять свои священнические обязанности, проповедуя и служа Мессы для других беглецов, укрывшихся в этом месте.

При этом св. Хосемария продолжал писать письма друзьям, используя различные коды, чтобы обмануть почтовую цензуру. Например, Иисуса Христа он называл «доном Иммануилом», а себя самого «дедушкой».

В сентябре 1937 г. он получил документы, давшие ему некоторую свободу передвижения по Мадриду, хотя его жизни все еще продолжала угрожать опасность. Святой проводил подпольные духовные упражнения, принимая множество мер предосторожности. Основатель посещал несколько монашеских общин, укрывавшихся в частных домах, и уделял таинства примирения и елеопомазания, переодеваясь для этого врачом. Именно так, например, он уделил таинство помазания больных отцу дона Альваро дель Портильо.

Ситуация изменилась в Памплоне и Бургосе, куда он перебрался пешком через Пиренеи. Год и три месяца, с января 1938 г. по март 1939 г., св. Хосемария прожил в кастильской столице, откуда осуществлял активную

пастырскую деятельность, совершая дальние поездки и навещая знакомых, многие из которых находились по разным сторонам баррикад.

Почему он решил бежать через Пиренеи?

Это решение далось ему нелегко. В 1937 г. святой оказался на распутье. Он все еще жил подпольно в Мадриде, где оставались его мать, родные и некоторые члены *Opus Dei*. Последние также вынуждены были скрываться, и лишь Исидоро Зорзано пользовался определенной свободой благодаря своему аргентинскому происхождению. А в другой области разделенной надвое Испании были другие члены *Opus Dei* и прочие люди, которых он хотел как можно скорее окружить

своим пастырским попечением в условиях свободы.

Он не знал, как долго будет длиться война, а в предыдущие месяцы одна за другой провалилось несколько попыток покинуть Мадрид дипломатическим путем.

В конце концов, перед ним встал выбор: оставаться в Мадриде в опасных условиях, которые могли сохраняться еще несколько лет, или же попытаться тайно бежать. Бежать же можно было двумя путями: пробраться через линию фронта или перебраться через Пиренеи во Францию и оттуда вернуться в Испанию через Сан-Себастьян. Второй путь показался проще: чтобы «перебраться на другую сторону» через линию фронта, как это сделало множество людей из обоих блоков, нужно было вступить в

армию, что было невозможно в виду возраста св. Хосемарии (35 лет).

Что говорил св. Хосемария о репрессиях Франко в годы войны?

Все очевидцы единогласно говорят, что его поведение в те времена было совсем необыкновенным: перед лицом насилия, порождаемого войной, он всегда говорил о прощении и призывал отказаться от мести и искать примирения.

В апреле 1938 г. в одном из своих писем св. Хосемария передает беседу с молодым офицером, с которым случайно познакомился на пути в Андалусию: «Младший лейтенант, семья и состояние которого чрезвычайно пострадали от террора красных, говорил о скорой мести. Я сказал ему, что и моя семья, и имущество

пострадали не менее его, но я желаю красным, чтобы они жили и обратились. В его благородной душе эти христианские слова столкнулись с жаждой насилия, и офицер отреагировал правильно».

Подвергались ли верные *Opus Dei* каким-либо преследованиям или политическим репрессиям?

Педро Кассьяро был сыном председателем Народного фронта в Альбасете и, находясь в Бургосе, стал предметом злобного доноса со стороны старого знакомого его семьи. Против него не было выдвинуто никаких личных обвинений; его проступок состоял лишь в том, что он был сыном председателя Народного фронта. Донос не имел никакого успеха, так как доносчик внезапно умер.

Кассьяро в своей книге “*Soñad y os quedaréis cortos*” описывает настроение основателя после

перехода через Пиренеи, когда остались позади многие месяцы страха, тревог и страданий.

«Это было время войны, и души были обуреваемы гневом. Каждый с жаром и страстью защищал свои взгляды, особенно политические. Беженцы из «другой зоны» пылали зачастую безумной жаждой реванша, впрочем, вполне объяснимой в виду жертв, понесенных их семьями, и мучений, которые перенесли они сами. Но и в такой атмосфере я никогда не слышал от отца ни единого слова, которое не наполнено было бы миром, благоразумием и любовью ко всем. И из всех, кто тогда окружал его, мало кого могло так взволновать это, как меня с печальной историей моей семьи.

Обидные слова, жест презрения, намеков... Я бы сразу заметил это, но

ничего такого никогда не было. Отец никогда не говорил о политике: он желал и молил мира и свободы совести. Всем своим большим и открытым сердцем св. Хосемария хотел, чтобы все вернулись к Богу и сблизились с Ним. Основатель страдал, когда люди давали только политическую оценку тем или иным событиям, забывая о жестоких антирелигиозных гонениях и совершавшихся святотатствах.

Вот почему, едва мы прибыли в Фуентеррабию (примечание переводчика: как только они перебрались через Пиренеи), основатель попросил меня написать в пресс-центр о тех усилиях, которые прикладывал мой отец (и не без успеха) для спасения множества жизней и во избежание святотатств. Пользуясь своими полномочиями

провинциального зрителя памятников истории и культуры, мой отец смог укрыть в никому неизвестных складах Альбасете и в одном из подвалов деревни Фуэнсанта массу священных сосудов, дарохранительниц, икон и т.д. И св. Хосемария сказал мне, что было бы справедливо, чтобы завтра об этом узнало множество добрых людей независимо от их политических убеждений.

Эти слова говорят о величии его души. Он ни разу никого не осудил: если не мог хвалить, то молчал. Никогда не говорил со злобой. А ведь в ту эпоху не так легко было сочетать любовь и справедливость с милосердием. Но отец изумительнейшим образом делал это.

Он призывал и нас в этой атмосфере злобы не впускать ненависть в свои сердца и всегда

прощать. Нужно было жить в те времена, чтобы понять все радикальное значение этих слов: бушевали страшнейшие в истории Испании гонения на Церковь, унесшие жизни почти шести тысяч представителей духовенства и множества простых католиков, погибших из-за своей веры.

Среди тех, кто в годы этой войны отдал жизнь за свою веру, были и близкие друзья отца. Погибли также многие его знакомые священники, в том числе и крестный св. Хосемарии.

Позднее, отвечая на вопрос одной женщины, перенесшей жестокие преследования в своей стране, отец рассказал об этом человеке: “Он овдовел и стал священником. Венец мученичества обрел в 63 года. В честь него меня и называли Мариано. У моей матери была

подруга, которая потом стала монахиней и научила меня первым буквам. Ее убили в Валенсии. Нет, меня не ужаснуло это: это наполнило слезами мое сердце... Убийцы заблуждались: они не умели любить.

Я рассказал обо всем этом, чтобы утешить тебя, дочь моя”, – сказал в заключение отец, – а не для того, чтобы поговорить о политике, потому что я не разбираюсь в политике, не говорю о ней и не буду говорить, пока Господь позволит мне остаться в этом мире, потому что это не мое дело. Но от меня скажи своим, чтобы они простили вместе со мной и с тобой.

Отец умел и учил нас прощать всегда». (Кассаро, П., “Soñad y os quedaréis cortos. Testimonio sobre el fundador de uno de los miembros más antiguos del Opus Dei”,

введение от Хавьера Эчеваррии, “Rialp”, Мадрид, 1994 г., с. 130-132).

В каких формированиях состояли первые члены Opus Dei?

С началом войны большинство испанских мужчин призывного возраста были рекрутированы в армию на той или иной стороне в зависимости от места их проживания. Так что именно география решала, кто и в каких рядах оказался, за исключением тех случаев, когда солдаты добровольно бежали в зону, подконтрольную противнику. Opus Dei в те времена было еще очень малочисленно.

Одним словом, члены организации, находившиеся в призывном возрасте и проживавшие в Мадриде или Валенсии, оказались в рядах республиканской армии. Так было

с Хосе Марией Эрнандесом
Гарникой, Рикардо Фернандесом
Валлеспином, Хуаном Хименесом
Ларгасом, Педро Кассьяро и
Франсиско Ботелья.

Мигель Фисак скрывался в родном селении Даймиэль в отцовском доме, пока не перебрался через Пиренеи в другую зону. Эдуардо Аластруэ, Висенте Родригес Касадо и Альваро дель Портильо оставались в дипломатических посольствах до лета 1938 г., пока не завербовались в армию Республики. В октябре они перешли фронт в районе Гвадалахары и вступили в другую армию, так как каждый из них полагал, что политический режим, которые отстаивали многие лидеры республиканцев – марксисты и материалисты, несовместим с их христианской совестью.

Других, таких как Хосе Рамон Эрреро Фонтана, Хосе Исаса и Хасинто Валентин Гамазо, война застала в регионе, занятом восставшими, и они были призваны в так называемую «национальную армию». Последние двое погибли на фронте.

Что думал Эскрива о Гитлере и нацизме?

Хосе Орландис вспоминает, как в сентябре 1939 г. св. Хосемария сказал ему, что отслужил Мессу за Польшу, на которую тогда как раз напала Германия: «Для этой католической страны вторжение нацистов стало огромным несчастьем».

Доминго Диас-Амброня побывал в Германии в 1941 г. и понял всю антихристианскую суть нацистского режима. По возвращении он отметил, что в

Испании нацизм выглядит совсем иначе – как главный враг коммунизма. Поэтому при случайной встрече с Хосемарией Эскривой в поезде по дороге из Мадрида в Авила в августе 1941 г. (когда уже началось немецкое вторжение в Россию) ему захотелось поговорить на эту тему с основателем. Диас-Амброня был удивлен той категоричности, с которой священник осуждал нацизм, называя его языческой идеологией, преследующей Церковь и католиков.

Св. Хосемария был против любого тоталитаризма, но особенно против нацизма. Альваро дель Портильо пояснял: «Конечно, отец не отождествлял нацизм и немцев. Именно из-за особой симпатии к этому народу, унаследованной от отца, ему было больно видеть Германию во власти безумной диктатуры. И эта

боль стала еще сильнее с началом Второй мировой войны».

Амадео де Фуэнмайор, профессор гражданского и канонического права, говорит, что позиция Эскривы, «осуждавшего нацизм, была непоколебима», и приводит большую подборку «не раз прозвучавших высказываний о Гитлере и его расистской системе». Среди этих высказываний есть, например, такие: «Мне противен любой тоталитаризм»; «Нацизм – это нелепость, а не просто политическая ошибка»; «Я радовался, когда Церковь осудила его: у всех католиков это было на сердце»; «Любая форма расизма противна закону Божьему и естественному закону»; «Я знаю, сколько жертв уже унес нацизм, и оплакиваю их. Для меня было бы достаточно и одной жертвы, чтобы осудить эту систему»;

«Гитлер всегда казался мне
одержимым мерзким тираном»
(П. Урбано, “El hombre de Villa
Tevere”, “Plaza & Janés”, Барселона,
1995 г., с. 119-120).

.....

pdf | document generated
automatically from [https://
dev.opusdei.org/ru/article/voprosy-i-
otvety/](https://dev.opusdei.org/ru/article/voprosy-i-otvety/) (11.08.2025)